

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>Глава 1</i>	
Грани мифа.....	11
<i>Глава 2</i>	
Созвездие Большая Медведица.....	26
<i>Глава 3</i>	
Созвездие Малая Медведица.....	120
<i>Глава 4</i>	
Созвездие Орион.....	129
<i>Глава 5</i>	
Скопление Плеяды.....	186
<i>Глава 6</i>	
Млечный Путь.....	255
<i>Глава 7</i>	
Прочие созвездие.....	321
<i>Глава 8</i>	
Неотождествленные созвездия.....	349
В место заключения	373
<i>Приложение I</i>	
Тексты легенд о созвездиях.....	374
<i>Приложение II</i>	
Использование астрономических знаний в народе.....	386
<i>Приложение III</i>	
Дискуссия о смысле астронимов типа <i>Кичига</i>	392
<i>Литература</i>	394
<i>Список сокращений</i>	419

ПРЕДИГЛОВИЄ

*«Как по полю, полю светлому // Овцы-ярочки разбегались, // Яркие звездочки загорались;
А и в том Гнезде во Утином // Золотые утки расплескались; // Волосожары загорелись, //
А Кичиги-те замотались; // А стоит горит Прикол-звезда, // Та Прикол-звезда недвижимая; //
А и Солнцев Воз ярко светится; // А как ехал Воз вдоль да по небу, // Там видна стоит путь-дороженька, //
Ты дорожка Солонная; // Где проехал Воз – искры сыпались, // Частые звездочки загорались: //
Протянулась путь-дороженька // От Восток-страны и до Запада»*

(Аверкиев Д. Песни о старых богах // Заря: журнал учено-литературный и политический.

Вып. 4 (апрель.), отд. I, 1869, С. 6).

Для человечества с момента возникновения его как такового вполне обычно поднимать глаза вверх и всматриваться в звездное небо. Едва ли не у всех народов мира созвездия, по крайней мере наиболее видимые, связывались с соответствующими мифами, поясняющими их названия. Астрономия современная корнями своими уходит в Древнюю Грецию (перенявшую и продолжившую астрономическую традицию ближневосточных народов), и именно поэтому у многих созвездий греко-римская интерпретация – античные названия прочно стали научной терминологией. Распространившись практически повсеместно в качестве гражданских названий, они потеснили местную терминологию, веками слагавшуюся народами, как уникальную часть их духовной культуры. Такие названия существовали и все еще встречаются в традиции народов славянского корня, хотя знание это практически угасло. На вопрос о созвездии Лося вряд ли кто-то из наших русских соотечественников-горожан ответит верно – скорее всего, сошлется на незнание, – однако про Большую Медведицу слышали, разумеется, все. Хотя речь идет об одном и том же созвездии... Но, если отвлечься пока от вопроса о названиях, то впору спросить: а были ли у наших предков (именно в народе, а не среди книжников) вообще какие-то представления астрономического характера, собственная «наука о звездах»? Как славяне относились к звездам в целом? Вопрос не праздный. Наука знает на него ответ, но, поскольку эта область знаний о традиционной духовной культуре славян не обозначается в школьной программе даже в малой степени, а в студенческой упоминается бегло, наверное, именно с этого ответа нам и следует начать.

Удивительным образом христианство, поставившее себе целью уничтожить из культурного поля народов мира все их языческое наследие, косвенно умудрилось послужить делу сохранения элементов древнего мирозерцания, в том числе зафиксировав некоторые народные славянские названия созвездий. Для более ясного понимания народами содержания библейских историй переводчики Библии на славянские языки нередко прибегали к буквальным параллелям, что коснулось и редких семитского происхождения астрономов, упомянутых в Ветхом Завете. Что примечательно, во избежание снижения пафоса текста, современные переводчики Библии оставляют в основном тексте эти астрономы без перевода, давая объяснение в сносках. Речь идет о следующих фрагментах библейского текста.

1) «сотворил **Ас**, **Кесиль** и **Хима** (созвездия, соответствующие нынешним названиям: Медведицы, Ориона и Плеяд) и тайники юга» (Иов: 9.9):

– блр. «онъ же сътвориль звезды рекомыя **возъ**, и звезды рекомыя **власожелци** и **проходню**, и внутреняя полудня» (1517 г.);

– словен. On dela **Kula** na nebi, inu **Rimsko palizo**, inu **Gostosherzhizhe** (1584 г. – Stabéj, s. 135); On stvari (zvezde) **Burovža**, Oriona, **Gostosejce** (1801 г.), On naredi **Voz**, **Palice** in **Gostosevce** (1858 г.); On **Gostosevke**, **Palice** in **Voz** ustvarja (1904 г.); On **Palice**, **Voz Veliki** in **Gostosevce** vstvaril je (1914 г.); On nareja **Voz** na nebu in **Rimščice** in **Gostosevce** (1958 г.); **Veliki Voz** in Oriona je ustvaril ter Plejade (Matičeto 1972, s. 71);

– серб. Он ју начинио звијезде **Кола** и **Штапе** и друге југу у дну (1860-е годы – Јанковић 1989, С. 95);

– поль. Który czyni **Wóz niebieski**, **Kosy** i **Baby**, i gwiazdy południowe (1845 г. – Kupiszewski 1974, s. 84);

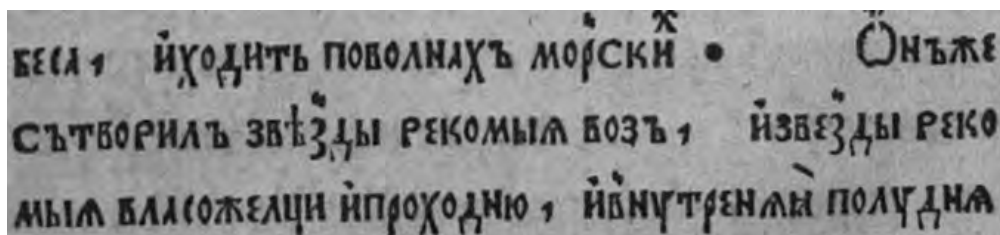
– чеш. Kterýmž působí hvězdy řečené **Vuoz** a hvězdy **Kossuov** proluczne a hvězdy řečené **Kurzatka** (1508 г.); On učinil Arktura, Oriona, **Kuřátka**... (1579 г. – Čupr, s. 151);

– лит. Ghis padara **Grjnszalo ratus** Danguje, ir Oriona, bei **Sieta** ir Szwaisdes pietumpi (1590 г. – Непокупный, С. 76).

2) «Можешь ли ты связать узел **Хима** и разрешить узы **Кесиль**? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести **Ас** с ее детьми?» (Иов: 38.31-32):

– словен. eli moresh te svese teh **sedem sveds**, **Gostosherzhizh** e vkup svesati? (1584 г. – Stabéj, s. 135), Obešaš ti li zvezd **Lestence** in tešeš **Palice** neba, ko čas je, zvezdne viješ Vence, **Koroška** vodiš **dva Voza**? (Svetopisemska knjiga Job in psalem 118. Poslovenil S. Gregorčič. – V Gorici, 1904, s.133);

– чеш. Zda-li spojiti moci budeš skvoucí hvězdu **Kuřátka s slepicí**: čili okolek **Vozu** hvězdnatého budeš moci rozptýliti (1506 г. – Čupr, s. 152); Možeš-li spolu snieti blyskavé hvězdy, ježto sloví **Štětky** (Kott 3, s. 960).

Старобелорусская Библия (1517 г.), содержащая имена славянских созвездий:
Воз (Большая Медведица), *Власожелци* (Плеяды), *Проходня* (Орион).

Это превосходный задел для исследования. Христианские обличения язычества сохранили сведения о почитании славянами небесных светил: «*Они все боги прозваши: солнце и месяц, землю и воду, звери и гады*» («Хождение Богородицы по мукам», XII-XIII вв.), «*аще кто целует месяц, да будет проклят*» («Заповедь» Георгия Митрополита), «*начаша жрети молнии и грому, и солнцю и луне*», «*луне же ли поклонятися лучто мерькнущему (т.е. солнцу), низь лучто безсмертному и богу створенну, а не Богу все створшу*». В XVI столетии Макарий, архиепископ Новгородский и Псковской, добавил к ним и звезды (планеты): «*Суть же скверные молбища ихъ лесъ и камене, и реки и блата, источники и горы и холми, солнце и месяц и звезды, и езера и проста рещи всей твари поклоняхуся яко Богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бесомъ, волы и овцы, и всякъ скотъ и птицы*» (ПСРЛ. Т. V. VI Псковские и Софийские летописи. – СПб., 1851, С. 73). Обращение к силе звезд подтверждается другими сведениями. В русских заговорах упоминаются молитвы к Венере: «*встахомъ заутра и помолихсе Господу Богу и дьннице*» (Афанасьев 1, С. 73), «*Мать ты моя, вечерняя звезда, жалуюсь я тебе на двенадцать девиц, на Иродовых дочерей*» (Майков, № 110), «*Выйду я из двери в двери, из ворот в ворота, во чистое поле, там стоит Пресвятая Богородица. Попрошу я ее: «Дай мне красоты да лада, звезды небесные, чудный месяц. Месяц, звезды украшают свет, так и меня бы, девушку, украшали»*» (РЗЗ, № 568). Ср. также заговорную формулировку, где лицо, читающее текст, прибегает к силе небесных светил, их воле: «*говорю слова от красног(о) солнца и от светлог(о) месяца и от звезд*» (РЗРИ, С. 144), и украинскую присказку: «*Шанувати сонце, місяц, зорі, хліб святий и ваші слухи*» (Номис, № 8372). Современная этнография обнаружила следы прежнего поклонения звездам, чудом уцелевшие до настоящего времени. Так, в Ярославской обл. бытовало моление Большой Медведице: «*Рыбаки /.../ застигнутые бурей или унесенные на льдине, молятся благу Лосю о спасении*» (ЯОС 6, С. 14); в Гродненской обл. (Слонимский р-н) записано упоминание о почитании Полярной звезды или Венеры: «*На Северную звезду молились. Крестьяне, становятся на колени, просят доброго урожая, здоровья и пр. Потом шепчут молитву «Отче наш». Иногда говорят «звезда счастья»*» (Авилин 2015, С. 212). Обычай «звездной молитвы» отразил в своем произведении И.А. Бунин: «*дед постлал себе у межи полушубок, зипун и с чистым сердцем, с благоговением стал на колени и долго молился на темное, звездное,*

прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь – святую дорогу ко граду Иерусалиму» («Кастрюк». 1892 г.). На Псковщине полагали, что Большая Медведица может благословить семью: *Змей* «Одна из звезд Большой Медведицы, которая, по народному поверью, появляется в некоторых местах, и там, где она остановится в Иванов день, люди будут счастливы и богаты» (СРНГ 11, С. 301). Это не какие-то исключительные случаи, а общемировая традиция: «Оленные чукчи, а также многие семьи приморских чукч /.../ приносят жертвы созвездию *Pegittъ*» (Богораз, С. 24); монголы молятся Большой Медведице «ради своего счастья, ради умножения скота», и делают созвездию «жертвоприношения молоком, чаем, лучшим угощением» (Козьмин, С. 19); в Китае ставили храмы этому же созвездию; в ходе индийского свадебного ритуала «невесте показывают также звезду Арундхати (Алькор) и Саптариши-мандалу (созвездие семи риши, Большая Медведица). Видит она их или нет, она должна на заданный ей вопрос отвечать «Я вижу». Эти действия вызывают постоянство в супружеской жизни» (Пандей, С. 186).

Религиозное почитание звезд породило ряд табу в их отношении: чеш. «Если кто покажет на звезду пальцем, тот у него отвалится, либо звезда упадет ему в глаз, и он ослепнет» (Gromann, № 175); у поляков существовал запрет пересчитывать число звезд в Плеядах: варм. *to ja nie licył, to licyć niedobrze bo bi bilo niesceście* «это я не считал, это считать нехорошо, иначе будет несчастье» (Szyfer 1969, s. 55). Считать звезды считалось вообще занятием, скажем так, не подобающим для людей нормальных. В сказках этим занимается Иван-дурак, коротая ночь на могиле отца или поджидая неприятеля: «*Приходит, садится у могилы, на небо поглядывает, звездочки считает, на землю взглянет, краюшкой поправляет*», «*садится на могилку, сам звезды считает, сам краюшку оплетат*» (РНССЧК, № 9, 20), «*Лег в меже, звезды на небе считает да недруга поджидает*» (Морохин 94, № 42). В.Е. Добровольская во Владимирской области записала ряд запретов (другим исследователям по какой-то причине не попадавшихся) в отношении созвездий, часть которых можно воспринимать как приметы (в том числе календарные), часть – как магические советы. Но к некоторым из них все же находятся параллели.

– Плеяды: рус. владим. «Считается, что, когда на небе видны Плеяды, то нельзя стричь волосы – *а то расти не будут*», мотать шерсть – *«вся спутается»*, вышивать – *«никогда эту работу не доедешь»* и т.д. Полагают также, что, пока Плеяды видны на небе, нельзя сажать курицу на яйца: «*Гиблое это дело, пока Семик на небе, курицу на яйца подсаживать. Ничего толкового не будет. Курицу тогда сажают, когда не видно их. Вот от Егория вешнего до Федора Стратилата их не видать, вот тут и сажают. А так, может, и высидит, да хорь подушит, или там что»*» (Добровольская 2011, С. 24), болг. «Когда они впервые показываются над горизонтом, следовало прятать ягнят, чтобы они не увидели эти звезды, поскольку, если увидят, то ягнята станут лохматы» (Ковачев, С. 24).

– Млечный путь: рус. владим. «нельзя отправляться в дорогу, если Млечный путь ярко светит на небе, поскольку полагали, что это приведет к смерти путешественника: «*Вот, бывало, и откладывали. Вот вечером посмотрят, а он горит прям. Нет, нельзя идти. Когда он светит, то можно идти куда-нето, а если горит – нельзя, помрет человек-то*». Если Млечный путь светит тускло, то в это время нельзя солить огурцы и квасить капусту, так как продукты испортятся: «*Мама завсегда смотрела, как Христова дорожка светит. Ярко – солила огурцы, а если тускло – нет, все скиснет...*». Если на небе были видны два рукава Млечного пути, то беременной женщине не рекомендовалось выходить на улицу, из опасения родить близнецов: «*Если Моисева дорога надвое разделилась, баба на улице уже и не суйся – двойню спродит»*» (Добровольская 2011, С. 24).

– Орион: рус. владим. «*Нельзя, нельзя детишкам Костылик показывать, пока хорошо бегать не станут, нельзя, а то все говорят – охромееет младеня*», «*Когда Костылик на небе светит ярко, с косой нельзя ходить, там вот даже ее трогать нельзя. Убязательно случится что-нето, там ногу посе-чешь или что*» (Добровольская 2011, С. 24).

Соответственно, существовали и непосредственно магические действия, ориентированные на звезды: рус. ряз. «*Пад Новый год вот девки у речки за косы тянули – эт тожэ было. Косы тянули, вот штобы косы большыи были, волосы, штоб волос был длинный. Дивчёнками – гадов девять-десять нам было. И вот глители на звезды: если звезда к звезде пирилятаить. Гадали што ли? Ну, вот, например, волосы в миня кароткие, а хачю, штоб у мене каса была. И вот специальна там с бабушкыми, с де-*

душками выхаживали и смотрели на звезду: какая звезда палетить вот к этому, к Кавиу (Кови ищѣ звезда называлась – Медведь што ли? Мидведица). И вот кагда к этой, к звезде эт вот звезда падлетитъ, тагда ани иѣ за кысы тянули» (ШЭС, С. 226), словац. «Если девушка видит падающую звезду, в тот же миг хватается себя за волосы, чтобы были такими же длинными» (Poveru v Turci. Sosbierala Drahotína Kardašová // Sborník museálnej slovenskej spoločnosti. R. XIII, 1908, № 20).

Впрочем, наряду с сакральным отношением к звездам, подразумевавшим душевный трепет, определенную боязнь и поэтическое их воспевание (рус. псков. *звезды считать* «целоваться» – СПП, С. 41), в традиционной культуре, как это обычно бывает, встречается и прямо противоположный подход. Так, известны пословицы, в которых отчетливо проступает дух есенинской, хулиганской Руси: рус. ярсл. «Светил бы месяц, а звезды-то я и колом посибаю» (Тенишев 2/1, С. 253), укр. «Аби місяц на мене світив, а зорі й колом побью» (Номис, № 5422).

Славяне имели неоднозначный взгляд на звезды. С одной стороны они считались малыми источниками света – свечами или огнями, освещающими в ночи и землю, и дворы небожителей: «По представлению белоруса, Бог живет на небе в огромном доме (палацу). /.../ Звезды – это свечи, которые, с наступлением вечера, зажигаются ангелами» (Демидович, С. 94-95), «Небо – терем божий; звезды – окна, откуда ангелы смотрят» (Даль), блр. гомель. «Зорачкі на небе – гэта Бог агні зажог» (НМГ, С. 189), укр. «Як ніч настає, янголы світять каганця, шоб було выдно» (Иванов 1888, С. 86), «Звезды – это свечи, зажженные душами умерших праведников» (Чубинский, С. 14). Это весьма древнее представление. Ср., к примеру, аккад. *mul NE.GI.ZI.GAR* (168) = «Факел Гирры» (?) Альдебаран (Куртик, С. 366). Сюда же можно отнести и такой пример «подчиненности» небесных тел божественным интересам: «Метлы (кометы) небо подметают перед божьими стопами» (Даль).

Рукопись «Планидник» (XVII в.): Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн.
Изображение звездопада. Радзивилловская летопись, л. 238.

С другой стороны, звезды понимались как души людей – умерших (только праведников или же всех людей; в последнем случае чаще говорилось применительно к падающим звездам), живых или тех, кому еще предстоит родиться: рус. волог. «с появлением на свет новорожденного младенца на небе появляется новая звезда, которая и существует на небе до тех пор, пока жив этот человек; с моментом же смерти человека соответствующая звезда падает мгновенно с неба. Затем степень яркости блеска той или другой звезды находится в прямой зависимости о степени праведности или неправедности жизни соответствующего человека. Число звезд на небе т[аким] о[бразом] всегда равняется численности человечества» (Тенишев 5/2, С. 529), блр. гомел. «Колькасці зорак у небе адпавядае колькасці людзей на зямлі», «Зоркі на небе – гэта душы людзей» (НМГ, С. 203, 213), «Нават кажучь, што калі падае зорка, то нехта памірае, а калі заграецца – то нехта нарадзіўся», «Большыя зоркі – гэта ўзрослы чалавек, маленькія – гэта яшчэ маленькі. Калі зорка гарыць вельмі ярка, то чалавек добры», «А яшчэ казалі, што на зорках жывуць душы памёрлых людзей і яны сочаць за жывымі» (Новак, С. 294, 299, 300), при виде падающих звезд полешуки говорили: «Мэртви души падають», и добавляли: «А моя на неби!» (Виноградова 2016, С. 181), укр. «Звезды /считают/ душами умерших, и говорят: «котора ясна зірка, то та душа правдыва, а которая зора темна, то та дуже грішна». Также называют звезды ангелами.

«Зірки робляться из праведных душок, з дітей, которі умірають малымы, да з старіх людей»», «Млечный путь – дорога, означающая, что столько должно родиться людей, сколько на этой дороге звезд» (Чубинский, С. 14, 15), укр. воронеж. «Звезды означают души праведных» (Федоров, С. 258). Ср. у греков: «Скажи, а правду говорят, что на небе, // Когда умрем, становимся мы звездами?» (Аристофан. Мир. 833). Собственно, оба представления легко смыкаются – это всё же свечи/светильники, озаряющие небосвод, но служат они мериллом жизни конкретных людей, связаны с их судьбой: рус. астрах. «Отчего звездочки горят? Это всем лампастики горять» (Арсланова, С. 25), блр. гомель. «Нараджаецца дзіця, і Бог запальвае зорку, калі памірае, Бог яе гасіць, зорка падае» (НМГ, С. 201). Это лишь подступ к астрологической концепции, связывающей рождение человека со звездами, в эти сутки бывшими на небе: рус. нижегор. «Что из ребенка станет, каков он будет, угадывали так. Вот если он родился, когда на небе была ясная звездная россыпь, по старинной примете значит, у него будут зоркие глаза и ясный ум. А родился в яркую игру звезд – к богатству» (Науменко, С. 56), астрах. «Если звездочка сильно малая родилась, то будет простой, а если побольше звездочку увидишь, то значит будет с начальников» (Арсланова, С. 25); ср. иркутский заговор на исцеление от детских болезней: «На небе три звездочки: одна ясна, другая красна, а третья – имя человека» (СГБС 10, С. 366). Поэтому украинские знахарки, прежде чем лечить хворь человека, говорили: *ке лиш зправлюсь з зирями* «дай-ка посоветуюсь со звездами» (Белецкий-Носенко, С. 176). У этой концепции могут быть весьма забавные выводы, поскольку рождаются не только люди, но и тот же домашний скот: чеш. «Как каждый человек имеет свою собственную звезду, так имеют свою общую звезду и все животные – это Венера (Dennica)» (Grohmann, № 166).

Изображение зодиакальных созвездий из «Изборника Святослава» (л. 251, 1073 г.).

Помимо представления звезд свечами или огнями, отмечены редкие случаи понимания их частями бóльших светил – Солнца и Луны: рус. «*Старый месяц Бог на звезды крошит*» (Даль), укр. «Сонце було зразу дуже велике; від коли люде настали, від того часу воно зменьшувало ся, бо **як лише чоловік народить ся, то відриває ся кусень сонця, з якого повстає зьвізда**, а як чоловік умирає, то єго зьвізда гасне і паде; часом паде богато зьвізд, се показує, що є десь на сьвітї великий помір. Коли умерлий був праведний чоловік, то зьвізда вертає до сонця, а як ні, то паде у сьвіт. Из таких зьвізд, що гаснуть, як умирає неправедний чоловік, і падуть, не вертаючи до сонця, повстає місяць» (Шухевич 4, С. 4).

Звезды могут происходить от тела Бога-Творца, быть его частью: «*А и белой свет – от лица Божья, // Солнце праведно – от очей Его, // Светел Месяц – от темечка, // Темная ночь – от затылочка, // Заря утрення и вечерняя – от бровей Божьих, // Часты звезды – от кудрей Божьих!*» (ГК, С. 46). Это отголосок мифа о ПервоБоге-Роде, ставшего плотью и кровью обозримой Вселенной. И, наконец, они могут считаться небожителями, малыми Божествами, многочисленным потомством Высших Богов/светил: укр. «Звезды – одни считают детьми солнца и луны» (Чубинский, С. 14). Именно потому звездам и молились наравне с солнцем и месяцем. В сказках (прежних мифах) данное представление отразилось в именах действующих лиц: рус. «*родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; чрез год родила она другую дочь – ещё краше и лучше первой: назвали её Звездюю*» (Аф, № 562). А в обрядовой поэзии звезды описываются как чье-либо младшее поколение: рус. «*У Ивана на дворе три терема стоят. // Первый терем – светел месяц, // Второй терем – красно солнце, // Третий терем – часты звёзды. // Что светел месяц – то Иван-хозяин, // Что красно солнце – то хозяйюшка его, // Что часты звезды – то детки его*» (ОП, № 9), укр. «*А на тій печі // Да три зірочки: // Перва зірка – // То Софійка дівка, // А друга зірка – // То Онилка дівка, // А третя зірка – // То ж Марушка дівка*» (Чубинский 3, С. 216). Все это отзвуки и пережитки древней астральной мифологии.

Есть и другие мифы о звездном небе. Так, в записанном в 2008 г. на Полтавщине тексте, рассказывается о появлении Месяца и звезд. Дело было еще в те времена, когда небо было близко к земле и до него можно было достать рукой. Девушка Мария, которую мать попросила натолочь в ступе пшена, перед работой положила на небо свои золотые гребешок и бусы, чтобы они «*не потемніли від поту*». Пока она толкла пшено, пест стучался в небо и отталкивал его все выше и выше, пока оно наконец не оказалось там, где сейчас. Мария под вечер хватилась своих украшений, но до них уже было не достать: «*побачила (на небе) золотий гребінець місяця, а довкола розсипалися зорі-намистинки*» (Зинчук 37, № 22).

Звездное небо нашими предками осмыслялось как некий священный текст, небесная летопись с изложением извечных божественных истин, которая при должном умении может быть прочтена: рус. яросл. «*Звезды это все маленькие знаки Божие*» (Тенишев 2/2, С. 300). Поэтически эта идея передана в загадках о звездном небе: рус. волог. «*Написана грамотка по синему бархату и не прочтатъ этой грамотки ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам*» (Великорусские загадки // ЭС. Вып. VI, 1864, № 424), болг. «*Господь книга написал, а не може и сам да я прочесте*» (Афанасьев 1, С. 52). Ее страницы раскрыты прямо у нас над головами, в складывающихся в образы звездах содержится определенное послание – слова Богов, адресованные всему человечеству. Поскольку Боги воспринимаются именно как небожители, то, вне всякого сомнения, это послание с небес имело для народа божественное происхождение. Небесная грамотка писана именно Богами, а прочитывали ее легендами и мифами, объясняя от поколения к поколению значение причудливых звездных узоров, то, как и зачем эти фигуры оказались на бархате небосвода. Здесь мы имеем явную переключку с титанических размеров «Голубиной книгой», выпавшей с небес – своеобразным материальным воплощением небесной / звездной книги, мудрости неба: «*Восходила туча сильна, грозная, // Выпадала книга Голубиная, // И не малая, не великая: Долины книга сороку сажень. // Поперечины двадцати сажень. // Ко той книге ко божественной, // Соходилися, соезжалися // Сорок царей со царевичем», «Выпадала книга Голубиная, // Со небес та книга повадала // В долину та книга сорока пядей, // Поперек та книга двадцати пядей, // В толщину та книга тридцати пядей*» (ГК, С. 34, 44). Попробуем, пожалуй, и мы прочесть эту книгу, всматриваясь в ее невыцветшие строки...

Выражаю искреннюю благодарность моим друзьям и соратникам, помогавшим при написании этой книги материалами, советами и идеями: Константину Рахно (г. Полтава, Украина), Цімафею Авіліну (г. Минск, Беларусь), Jiří Mačude (m. Znojmo, Česká republika). Отдельно хотел бы поблагодарить Ирину Александровну Седакову (Институт славяноведения РАН) и Ольгу Владиславовну Белову (Институт славяноведения РАН) за их отзывчивость в разборе «темных» астронимов.

01.2017 – 02.2018

Глава I

ГРАНИ МИФА

«Знать мифы значит приблизиться к тайне происхождения всех вещей» (Аспекты, С. 24)

Наиболее яркие созвездия, звездные скопления и отдельные звезды в славянской традиции носят множество самых разных имен, меняющихся от местности к местности. Практичный во всем крестьянин удержал их в своей поистине бездонной памяти прежде всего для удобства, а вовсе не из преданности дедовской старине. По звездам и созвездиям можно ориентироваться на местности, узнавать по ним время, предсказывать погоду. Для этого, помимо знания конфигурации созвездия и времени его появления, необходимо, чтобы каждый такой небесный объект имел свое, по возможности неповторимое имя. Как и во всем мире, славянские названия созвездий описывают их по принципу условного внешнего сходства с какой-либо фигурой: решетом, цепом, повозкой и т.д. Наблюдателю с земли достаточно провести умозрительно несколько по сути напрашивающихся линий между ближайшими звездами, чтобы получилось то или иное созвездие. Вопрос о том, что было первично – астроном или астральный миф, решаться должен не в пользу последнего: «Мифологическое осмысление созвездий и их названий – явление вторичное. Космические названия (речь про древнейший их пласт) возникли на домифологическом этапе. И, уже возникнув, стали одним из источников мифологии. Эта общая типологическая черта старинных названий звездного неба справедлива и для славянской звездной номенклатуры» (Карпенко 1986, С. 327). Внешнее подобие созвездия тому или иному объекту обязано было вызвать к жизни интерпретацию – сообразное предание, призванное объяснить появление на небе данного объекта. Это чисто психологический момент: сначала человек видит объект, затем описывает его и называет, т.е. дает имя по подобию, и лишь затем приступает к объяснениям, поискам смысла. Земной шар вращается вокруг своей оси, но для неподвижно стоящего на земле наблюдателя вращается небо над головой. Звезды, за исключением Полярной звезды, таким образом, не стоят неподвижно, но все время находятся в круговом движении, создавая впечатление некоего действия, разворачивающегося на небесах. Одни созвездия словно следуют за другими, а те, в свою очередь, как будто пытаются от них удалиться. Вырисовывалась некая закономерность в их перемещении, разум предполагал зависимость видимой картины от неких обстоятельств. Всё это требовало непротиворечивого объяснения, загадка должна была быть разгадана при помощи толкований. Это и предлагают астральные мифы, это и вызвало к жизни первые из них – не самые детальные и пространные, скорее всего, наподобие тех кратких сопровождающих астрономы легенд, что дошли до нашего времени. И лишь позднее, когда количество разных, уживающихся вместе, но при том не сходных друг с другом объяснений стало значительным, перед человеком открылась новая возможность – соотносить небесные объекты с другими мифами, легко находя в их текстах зацепки для этого. Некий объект, выделяемый на звездном небе, как правило, имеет земной образец, который, в свою очередь, наверняка найдется в многочисленных мифологических преданиях. Устанавливаемое соответствие позволяет конструировать астральный миф, утверждающий, что упоминаемый в исходном мифе объект – тот же самый, что виден на небе, и наоборот. Но тезис Ю.А. Карпенко следует скорректировать, поскольку представляется верной и иная последовательность событий: языческий миф мог дать основание для поиска среди уже существующих созвездий подходящего, зримо «подтверждающего» подлинность истории. Дохристианская религия славян в этом плане вряд ли сильно отличалась от религиозных представлений других индоевропейских народов. Мы вправе предполагать, что за некоторыми славянскими астрономами, как за греческими или индийскими, стояли мифы о Богах и героях-первопредках, их деяниях. Этот пласт народной мудрости сильно искажен, имеются только обрывки «учения о звездах», и на масштабные результаты

надеяться не приходится. Но, как известно, скудость и дефектность источников в любой научной дисциплине не могут послужить препятствием для проведения исследования, получения выводов и, наконец, реконструкции на их основании относительно целостной системы.

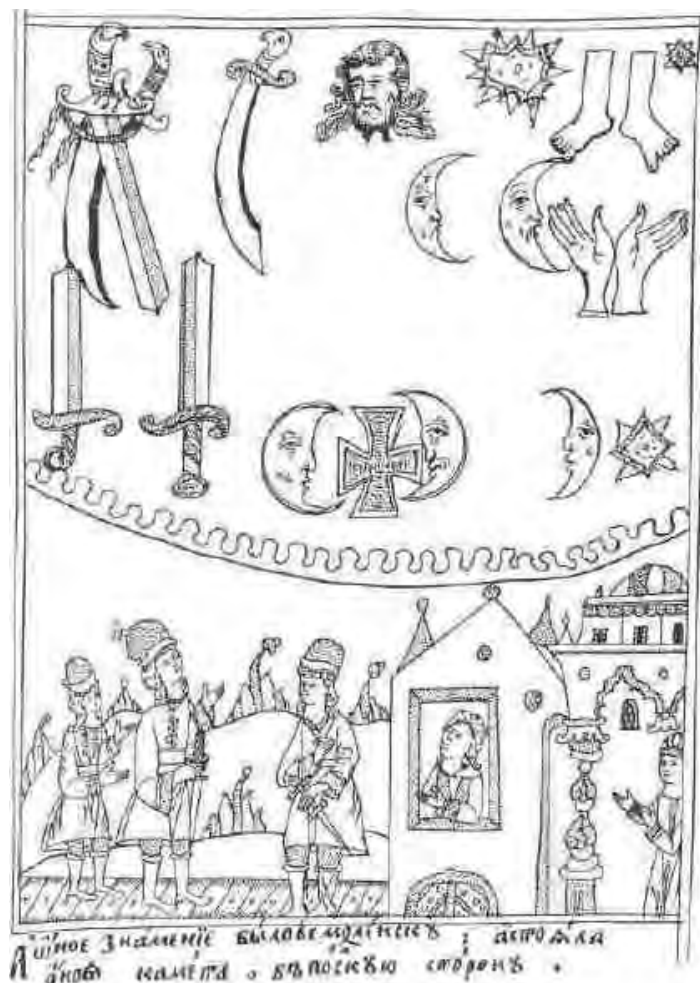
Подобная работа не может быть проведена без регулярного сравнения наличествующих славянских материалов с образцами астральных мифов других народов – как древних, так и современных, как имеющих индоевропейские корни, так и просто являющихся соседями славянских народов. В поисках следов славянских мифов следует проанализировать весьма значительный фольклорно-этнографический материал, прежде всего восточнославянский. Безусловно, есть определенная опасность, что увлеченный исследователь на каком-то этапе своей работы может утратить объективность. Остается надеяться, что, зная о такой возможности, этого удастся избежать, оставшись в рамках беспристрастного изучения. Данное исследование не претендует на всесторонний охват материала и окончательное решение вопроса. Всегда есть вероятность, что новые материалы или иной угол зрения могут существенно скорректировать сделанные выводы и поставить под сомнение верность предлагаемой реконструкции. Если это пойдет на пользу науке и поспособствует возрождению интереса к народной культуре, автору остается только поприветствовать дальнейшие подвижки разбираемой темы.

Славяне, будучи народом оседлым, земледельческим, в ориентировании по звездам нуждались значительно менее народов, ведущих кочевой образ жизни, скотоводов, охотников, мореплавателей. В практическом плане созвездия использовались для определения сторон света, времени (ночных часов) и перемен погоды – ближайших или долгосрочных (прогностика), а также для гаданий (Сахаров, С. 62). В связи с чем на небосводе наши предки выделяли не так много созвездий – всего около десятка, против почти пяти десятков, известных античному миру. При этом каждому из созвездий в местных традициях давалось не одно, а множество имен, что имело свои причины. С одной стороны, «в разных диалектах праславянского языка космические объекты могли вызвать различные ассоциации, образы, а значит, и названия, на которые впоследствии наслаивались древнерусские и собственно русские обозначения. Это и привело к значительному разнообразию космонимов в говорах современного русского языка» (Фомина 1988, С. 79). С другой, «множество обозначений – свидетельство множественности видения предмета. И зависит это не только от самого предмета, но и от воспринимающих и называющих его людей. А люди разных социально-исторических эпох и мировоззрений «видят» в небе разное» (Бондалетов, С. 206).

Не столь давно на стыке астрономии и этнографии (этнолингвистики), как подразделение археоастрономии, появилась новая субдисциплина, или даже, наверное, новая междисциплинарная наука – этноастрономия. Область ее исследований – изучение роли космологических представлений в мифологии и ритуалах исторических и современных традиционных сообществ, производимое на основании фольклорных текстов, этнографических данных и материальных свидетельств (культовые и бытовые предметы, наскальные изображения и т.д.). В славянских странах собран, опубликован и зачастую детально проанализирован значительный материал по народной астрономии – локальным традициям именования звезд и созвездий. Эти материалы легли в основу нашего исследования, посвященные еще недостаточно разработанной теме этноастрономии: поиску скрытых за названиями созвездий мифов. В данном случае нам непринципиально, что было первичным – астроним или миф, ибо искать мы будем второе, в то время как первое имеется. Представляется безусловным существование в прошлом таких мифов у языческих славян, причем мифов не социально-этимологизирующих, наподобие такого текста: рус. владим. *«Вот баба как-то младеню кормила, а он уж большеенький был и прихватил ее. Она вскрикнула, титьку дернула, ну и молоко брызнуло. Вот брызги-то и видны на небе-то. Вот и говорят – брызнуто молоко на небе. Это вот Млечный Путь»* (Добровольская, С. 152), должного буквально и на скорую руку пояснить образование Млечного Пути, а теологических и героических, отсылающих к деяниям Богов и полубогов. Ведь даже та самая «баба», пролившая молоко, – это ведь не прежняя жительница той деревни, где записан текст про нее. Но этот микротекст ничего не говорит о том, что данное событие должно было априори случиться в начале времен, что «баба», создавшая прецедент такого масштаба, не могла быть обычной женщиной, что молоко, скорее всего, не было простым, иначе как

оно осталось в небе на века, что должна была быть причина, по которой указанное происшествие оказалось запечатленным на небесном полотне на многие тысячелетия, и что это, наконец, за ребенок...

Не замахиваясь на нахождение всех ответов по мифам сразу, и тем более на полную реконструкцию их, прежде всего следует сделать упор на смыслы, стоящие за названиями, проследить за связями образов астронимов с фольклорными сюжетами и этнографическими соответствиями, буде таковые в процессе исследования обнаружатся. Нет нужды думать, как это делают отдельные ученые, будто у славян дохристианского периода была недостаточно развитая религия и, соответственно, мифология. Да, данные по ней бедны, и мы все прекрасно знаем, чьими стараниями эта удручающая бедность было достигнута. Но хватает и дошедших осколков, хватает отголосков в фольклоре, хватает сравнительной мифологии, чтобы однозначно утверждать – славянская языческая духовная культура в плане религиозной мифологии была не только самобытна, но и богата на образы и сюжеты. Отказывать в этом своим предкам – не только акт неуважения к ним, презрения к своей Родине, самоуничужения и раболепства перед чужими культурами, но и поразительное игнорирование как фактов, так и логики. Дохристианские религии народов, населяющих современную Россию, – от сету до ительмен, имели проработанный пантеон и мифологию, и локальная вариативность этих пантеонов и мифологии никоим образом не говорит о неразвитости этих религиозных систем. Аналогичная ситуация – и это подтвердит любой специалист по конкретным культурам – была и в так называемых «классических религиях древнего мира»: древнеегипетской, древнегреческой, индийской, китайской... Невозможно и нелепо считать, что славяне накануне «крещения», веками живя в соседстве с народами со вполне развитыми мифологическими системами, сами при этом оставались темными варварами, не только питавшимися исключительно сырым мясом, но и практически не имевшими представлений о высшей силе.

Комета в виде мечей, наблюдавшаяся в Смоленске. (Из рукописи XVII в., хранящейся в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в СПб).

Наблюдение за звездным небом неминуемо вело к выделению на нем созвездий, с обязательным закреплением за ними определенных названий. Рано или поздно небесные образы обретали историю, передаваемую из поколения в поколение. Истории могли быть разными: земными, со временем мифологизированными, или сразу же мифическими, рассказывая о похождениях и просто жизни Богов или предков. Всё это мы видим не только в литературе Древней Греции или Китая, но и в преданиях даже таких народов, которых назвать в прямом смысле этого слова цивилизованными не повернется язык у самого толерантно настроенного антрополога. Странно было бы, если славяне дохристианского периода оказались единственным народом мира, не имевшим обыкновения рассказывать о появлении созвездия или его смысле какого-нибудь мифа.

Изучение народных астрономов, и тем более – интерпретация их как элементов астральных мифов, при всей увлекательности процесса, сталкивается с серьезными трудностями еще на стадии отбора материала. Первое, что создает затруднение: далеко не каждый зафиксированный астроним имеет привязку к созвездию. Не в последнюю очередь это связано с условиями, при которых обычно фольклорные и диалектологические записи производятся: днем информатору совершенно невозможно указать на обсуждаемый объект. Записи производятся в режиме живого общения – диалога собирателя и информатора, и на проскочившем в разговоре астрониме первый не всегда успевает удержать внимание второго, или даже сам не опознает астроним, не возвращается к нему для детализации и обнаруживает его лишь после расшифровки записей, которая может производиться спустя годы, и обратиться за разъяснениями нет уже никакой возможности. Сказывается и слабое знакомство собирателей со звездным небом (а быть докой во всем невозможно), потому не имеющих навыка точно соотнести астроним и созвездие, либо делающих соотнесение неверно. Неразбериху вносит толкование астронома, делаемое задним числом расшифровщиком записи или публикатором словаря. Другая проблема – соотнесение близких / однокоренных названий созвездий с разными небесными объектами. Помимо вышеперечисленных причин, могущих вызвать ошибку, здесь играют свою роль и другие факторы, как то: общее разрушение подобного рода традиционных знаний, в силу их очевидной неактуальности для новых поколений; разбежка локальных традиций, когда астроним хотя и удерживается в памяти, о некоторой былой его значимости еще помнится, но дают это имя на местах уже разным созвездиям, наиболее приметным на ночном небосклоне и потому осознаваемым как важные, должны иметь какое-то привычное имя: «ослабление или исчезновение этимологической мотивировки космонима приводит к «блужданию» названия, передвижению с объекта на объект» (Фомина 1988, С. 80).

С астронимической базой связан ряд трудностей, вынуждающих ее серьезно проредить. 1) Часть астронимов может оказаться сугубо описательной, и как итог, не имеющей мифологического подтекста. 2) Часть – поздней по происхождению, а значит, поиск соответствий окажется обречен на провал или может привести к ошибочным выводам. 3) Часть получила название в связи с библейскими сюжетами, и, хотя мы можем предполагать в этих случаях перекрытие старых смыслов новыми, реинтерпретация окажется еще более шаткой конструкцией. 4) Какие-то названия искажены до неузнаваемости, и работа с ними затруднительна. 5) Прочие – оказываются переносом¹, и в таком случае сперва следует установить, какому созвездию они соответствовали изначально². 6) Некоторые астронимы, как полагают ряд исследователей (не всегда, с нашей точки зрения, справедливо), являются кальками или заим-

¹ «Можно утверждать, что наблюдаемые переносы названий чаще всего имеют место в тех случаях, когда 1) созвездия похожи по форме и (или) состоят из одинакового числа звезд (Плеяды и Большая Медведица – похожи по форме и состоят из семи звезд); 2) созвездия близко расположены и выполняют похожие функции при ориентации во времени и пространстве (Плеяды и Орион); 3) смысл астронима утерян и нарушена мотивация связи с объектом» (Вайшкунас, С. 172).

² «Учитывая степень распространенности названий с той или иной семантикой, можно с уверенностью говорить о том, что *Лось*, *Сохатый* первоначально обозначали только созвездие *Большой Медведицы*, *Кичига*, *Кичиги* – Пояс Ориона, так же, как для украинского языка *Волосожар* – астеризм Плеяды» (Фомина 1988, С. 80).

ствованиями из иноэтничной среды, и в таком случае, оказываются принципиально не подходящими для наших целей³. Но даже после такого отсева материала имеется, с чем поработать.

В исследовании астронимов сложилась уже практика рассматривать название отдельно от объекта. Безусловно, первоначально конкретное название было привязано к единственному созвездию, объясняло его форму, вписывало в картину небесного мифа. Факт и то, что одно созвездие могло иметь несколько разных названий, отсылающих к разным локальным мифам данной языковой общности. Но в настоящее время наблюдается известная путаница, и под одним названием (или названиями, производным от общего корня) фигурируют разные созвездия. Здесь могли смешаться и ошибка собирателя, неверно интерпретировавшего сведения, и забывчивость информатора (при общем забвении данного вида народных знаний), и перенос известного названия (из тех, что «на слуху») на наиболее заметные объекты ночного неба. Для научной объективности мы отразим все варианты соотнесения созвездий с названиями, но в исследовании будем оперировать лишь блоками названий (моделями), в отрыве от объектов (если иного не потребует интерпретация сюжета).

Сам по себе астроним, односложный или в несколько слов, вполне является микротекстом, поскольку содержит в себе некое послание, смысл. Человек, знакомый с легендой, связываемой с тем или иным созвездием, вспомнит ее, услышав название созвездия. Ассоциативная связь, возникающая в этом случае, восстанавливает общие очертания сюжета, делая ненужным дополнительное пояснение. Именно поэтому в каких-то случаях и возникала проблема недоговоренности между носителем традиции и полевым фольклористом, записывающим фольклорные сведения, что первый не подозревал о незнании вторым местных реалий. Если собиратель не задавал уточняющих вопросов, не пытался узнать больше, чем прозвучало, то в итоге он мог остаться с богатой на первый взгляд информацией на руках, но не получив ключей для ее понимания. Узнав, как местные жители называют ряд созвездий, он мог не слышать, почему именно их так именуют, что стояло за названиями. Эта же проблема привела к забвению знаний подобного рода и в случае передачи традиции от поколения к поколению. Некое общераспространенное представление не кажется старшим членам общины нуждающимся в буквальном объяснении, поскольку вроде и так «все знают», тем более что и младшие члены общины с неохотой воспринимают сведения, с их точки зрения кажущиеся не несущими большой практической пользы, устаревшими. А что может быть более бесполезным, чем бабкины сказки о каких-то там звездах?

Исследователи астронимов в полной мере осознают, что созвездия в народе имели свои объяснения, тем более что во многих случаях эти объяснения до нашего времени дошли, пусть даже и в позднейших формах. Для каких-то астронимов, в силу простоты их формы, интерпретация если и имелась, то сейчас неочевидна, но для других, более сложных, ее можно предполагать определенно: «В названиях созвездий доселе сохранилась **память о народных поверьях и мифах или сказаниях**; напр., *Утинное* или *Утичыё гнездо* (пек., тверск., арх., сиб.); *Железное колесо*, *Девичьи Зори*, *Косари* (тульск.), даже *Батыева Дорога* (тамб., тульск.) и т.п.» (Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.,

³ Увлекаясь, иные исследователи принципиально отказывают славянам в собственной терминологии, по неясной причине сводя практически все астронимы к заимствованиям или калькированию (Ивашина 2015, С. 46-49). Предположение М.Э. Рут о том, что названия *Лось*, *Решето* / *Сито*, *Лапоть*, *Птичий Путь* / *Гусиная Дорога*, заимствованы из финно-угорских языков, *Утиное Гнездо* – из самодийских, а *Конь* / *Горбатый Мерин*, *Кол* / *Небесный Кол* – из тюркских («В целом можно говорить о десятке русских астронимов, заимствованных из соседних неславянских языков» (Рут, С. 44-50)), – не кажется обоснованным, несмотря на предложенные параллели из этих языков. Более того, попытка объяснить появление тождественных названий созвездий у славянских народов, не имевших соседства с указанными неславянскими языковыми группами, с помощью длинных цепочек заимствований (финно-угры – поляки – украинцы – русские Смоленской, Тульской, Калужской областей), является гипотезой откровенно слабой, рожденной в русле процветавшей в СССР школы заимствования, старавшейся потрафить многочисленным народам, населяющим страну, в ущерб головной нации – русскому населению. Наличие сходных названий у соседей, скорее, кросскультурное явление, а не неперемный признак примата в вопросе. Как отмечает М.Э. Рут, противореча тут самой себе, «почти единственной основой образа оказываются ассоциации, связанные с конфигурацией созвездий» (Рут, С. 52), к чему каждый народ в состоянии прийти самостоятельно, без помощи соседних племен. Либо придется отказывать своим славянским предкам, невзирая на всю народную поэзию, в способности использовать метафоры и проводить ассоциации.

1959, С. 264), «Возможно, отголоски **целостного мифологического представления** содержится в названии Косари, Грабли, Кичиги – здесь есть общность тематики и связь не с конфигурацией созвездия в целом, а с каждой отдельной звездой» (Рут, С. 57), «В двух названиях – *Мосеев Палец, Колесница Царя Давида* – нашли отражение **религиозные представления** русского крестьянина» (Рут 1976, С. 42), «Более редки в качестве смысловой основы космических обозначений **религиозные мотивы**. Один такой космоним отмечен у Даля для Плеяд: Ключи Петровы» (Фомина, С. 21), «Такое **мифологическое осмысление** проявляет себя в своеобразном «очеловечивании», одухотворении космических объектов, и дошло до нас лишь небольшим количеством фрагментов – обломков целостной картины языческого звездного неба» (Карпенко, С. 196), «Причиной появления народных астрономов является также **система мировосприятия** русского крестьянина, **христианская и языческая**. /.../ Кроме этого, русские народные представления о космосе были тесно связаны с индоевропейской мифологической традицией, в соответствии с которой творцом Вселенной была водоплавающая птица (утка, гагара, селезень, лебедь)» (Ладисова, С. 105).

Таким образом, учеными были сделаны наметки в этом направлении, и возможное существование языческих астральных мифов ими, по меньшей мере, предполагалось. Это, разумеется, не относится ко всем исследователям. Справедливости ради нужно указать, что некоторые из них, отказавшись копнуть глубже, оказались настроены более скептически и пришли к выводам весьма удручающим: «У багатьох народів саме міфологія була вагомим джерелом найменувань астрономів, але в українській мовній картині світу міфологія не мала вирішального значення» (Процик, С. 319).

Из всех исследователей, кажется, только Т. Авилин и М.Э. Рут подступались к идее мифологической интерпретации астрономов более последовательно, чем их коллеги, ограничившись лишь декларацией. Т. Авилин провел несколько прямых соответствий между названиями созвездий и сказочно-мифологическими сюжетами (Авилин 2015, С. 88, 93), подчеркнул: «Критический анализ материалов про народную восточнославянскую астрономию показывает отсутствие зафиксированных больших, сюжетно разработанных и мастерски обработанных народных текстов, связанных со звездами и созвездиями. Проще говоря, тех текстов, которые можно было бы назвать «астральным мифом». Обычно такие записи представляют собою тексты, приближающиеся к паремияльным /.../ **Такая ситуация направляет исследователя на выявление путей наиболее удачной интерпретации достоверных сюжетов. В самом лучшем случае – к попыткам реконструкции мифов про звезды и созвездия** во время компаративных исследований» (Авилин 2015, С. 131). А М.Э. Рут пошла от частного к общему, предполагая, что, как и в традиции других народов, славянские созвездия некогда складывались в целостную картину: «Путь создания метафоры /.../ от **цельной метафоры – картины**, отражающей быт и миф народа, через ее детализацию к отдельным объектам» (Рут 1970, С. 107), «Прогресс астрономических знаний в связи с развитием кочевого скотоводства, мореплавания и т. п., в свою очередь, ускорял процесс переосмысления названий и появления названий-метафор. Необходимость в мифологической мотивировке названия остается – отсюда установление новых связей мифа и объекта (созвездия), но не опосредованно, через **целостную картину звездного неба**, а прямо (см. выше миф о Каллисто)» (Рут 1972, С. 91), «Зафиксированная славянская астрономия основана на восприятии каждого созвездия отдельно, без связи образов в единую картину. Значит ли это, что так было всегда? Очевидно, нет. Русская юго-западная астрономическая зона сохранила названия, которые тоже могут быть объединены в ряд, отражающий **определенную целостную картину**» (Рут, С. 57). Собственно, до нас дошло немало количество славянских астральных легенд, подтверждающих идею М.Э. Рут. В одно целое действие связываются в польской легенде Большая Медведица, Млечный Путь, Пояс Ориона и Плеяды (Kolberg 7, s. 32; Udziela 1924, s. 92), в южнославянских преданиях в один сюжет соединяются Большая Медведица и Млечный Путь (Бадаланова, № 53, 55; Ковачев, С. 24), Орион и Плеяды (Ковачев, С. 24; Dragičević, s. 314; Škerljev, s. 260).

В целом, М.Э. Рут вопрос детально не разбирает, коснувшись его вскользь, но проблему ставит и признает. К ее подходу есть лишь небольшое уточнение. С нашей точки зрения, при наличии множества астрономов и массы локальных преданий, с ними связанных, можно вполне обоснованно предполагать, что и для «ранних этапов» славянской астрономии было характерным соединять астральный